

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-226-237>

УДК 81

ББК 81.411.2-5+82

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. М. А. Бобунова
г. Курск, Россия

© 2021 г. А. Т. Хроленко
г. Курск, Россия

РУССКАЯ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ НА ФОНЕ ИНОЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ: КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: Статья обобщает опыт многолетней работы курских исследователей по выявлению национальной специфики русской народно-поэтической речи. Прослеживается история возникновения и формирования специальной научной дисциплины, ориентированной на изучение феномена фольклорного слова, — лингвофольклористики. Основное внимание уделено методологии сравнения — сопоставительной и кросскультурной лингвофольклористике. Сопоставительная лингвофольклористика осуществляет сравнение бытовой диалектной и народно-поэтической речи, языка различных жанров фольклора, а также территориальных различий народно-песенных лексиконов в пределах одной этнической традиции. Кросскультурная лингвофольклористика — инструмент выявления культурных предпочтений этноса и через них специфических черт менталитета путем сопоставления традиционных культур. Объектом сравнения фольклорных текстов различных этносов являются концепты, вербализованные формами национального языка, а предметом — смыслы, аккумулированные в этих формах. В статье анализируются единичные концепты «золото», «река», устойчивые связи концептов типа «сад – лес», «цветок – куст – дерево», а также концептосферы «Птицы», «Пища», «Лицо человека». Авторы уверены в целесообразности применения в кросскультурных исследованиях лексикографического инструментария, в частности разрабатываемого контрастивного словаря. Делается вывод о том, что сравнение народно-песенных лексиконов, принадлежащих различным этническим традициям, — исследовательская процедура достаточно трудоемкая, требующая тщательности и объективности комментирования, но и весьма результативная.

Ключевые слова: лингвофольклористика, сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика, концепт, контрастивный словарь.

Информация об авторах:

Мария Александровна Бобунова — доктор филологических наук, профессор, Курский государственный университет, ул. Радищева, д. 33, 305000 г. Курск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5809-1548>. E-mail: bobunova61@mail.ru

Александр Тимофеевич Хроленко — доктор филологических наук, профессор, Курский государственный университет, ул. Радищева, д. 33, 305000 г. Курск, Рос-

сия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-3550>. E-mail: alexanderhrolenko@yandex.ru

Дата поступления статьи: 10.01.2020

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования: Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Русская народно-поэтическая речь на фоне иноэтнических традиций: кросскультурный аспект // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 226–237. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-226-237>

Вся культура — материал для сравнения,
и любое сравнение образует факт культуры.

В. Н. Топоров

Эпоха романтизма в России и Германии в лице А. Х. Востокова и Я. Гримма засвидетельствовала, что глубокий интерес к национальному фольклору и активная собирательская деятельность способствуют созданию фундаментальных трудов и формированию такого исследовательского инструмента, как сравнительно-исторический метод.

В России XIX в. появились классические, авторитетные собрания произведений различных жанров. В первой половине XX столетия написаны и вошли в научный обиход фундаментальные труды П. Г. Богатырева, А. П. Евгеньевой, И. А. Оссовецкого, которые заложили основы формирующейся научной дисциплины, в 1974 г. получившей имя лингвофольклористики [20]. Во второй половине века три исследовательских центра — воронежский, петрозаводский и курский — с разных сторон описывали фольклорное слово и народно-поэтический дискурс [1; 17; 21].

Жанровая и территориальная неоднородность фольклорной традиции предопределила роль сравнения в изучении фольклора. Сопоставление языка фольклора с бытовой диалектной речью носителей устного народного творчества помогло выявить основания фольклорного языка и поэтики и определить их статус. Наличие различных жанров (песня, былина, сказка, причес и т. д.) дало возможность говорить о жанровом профиле любого используемого в фольклорных текстах слова [10]. Территориальная дифференцированность народно-песенного языка способствовала определению фольклорных региолектов и становлению фольклорной диалектологии [15]. Таким образом, в становящейся научной дисциплине первым направлением стала *сопоставительная лингвофольклористика*.

Сопоставительная лингвофольклористика может убедительно показать, что такое фольклорное слово вообще, но она не в состоянии сообщить, что такое *русское* (немецкое, английское и т. д.) народно-поэтическое слово. Для этого нужна *кросскультурная лингвофольклористика* — инструмент выявления культурных предпочтений этноса и через них специфических черт ментальности путем сопоставления культур, осуществляемого на уровне вербализованных концептов и концептосфер [22]. Именно этому аспекту и посвящена данная статья.

Академик М. Л. Гаспаров писал: «С чужой культурой мы знакомимся, как с чужим человеком. При первой встрече ищем, что у нас есть общего, чтобы знакомство стало возможным; а потом ищем, что у нас есть различного, чтобы знакомство стало интересным» [7, с. 108]. Конечно, банальное сопоставление разноэтнических текстов не может завершиться научным выводом, а только субъективным мнением. К при-

меру, в одном из выпусков издания «Русский вестник», датированном 1879 г., Р. Вестфаль опубликовал статью «О русской народной песне» [6]. Воздав должное и русской, и немецкой песням, автор делает вывод, что русская лирика «не менее немецкой поражает наше воображение, но зато далеко превосходит ее своею несравненною законченностью формы» [6, с. 126–127].

Понятно, что подобное сравнение нельзя считать объективным, научным, поскольку оно не предполагает аргументации, опоры на серьезный исследовательский труд. Однако такие сугубо оценочные суждения подводят к вопросу, что сравнивать, как сравнивать и как обеспечить адекватность сравнения. В свое время Б. Н. Путилов справедливо утверждал, что «фольклорную культуру региона, зоны, очага можно понять лишь на фоне культуры других регионов, зон, очагов, и задача исследователя — найти релевантный материал для сравнительного анализа и избрать эффективную методику сравнения» [16, с. 159].

Материалом для сопоставительного исследования курских лингвофольклористов были выбраны, с одной стороны, авторитетные сборники русских народных лирических песен (свод А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» [5], «Песни, собранные П. В. Киреевским» [12], народные песни Курской губернии, записанные М. Г. Халанским [19]), с другой стороны, коллекция английских народных песен, собранная С. Шарпом [25], и немецких песен, представленных Э. Клушеном [24].

Для проведения сравнительного анализа нами были подготовлены алфавитные словники и частотные словари песенных текстов разных сборников, поскольку курские исследователи, в течение многих лет работающие над созданием словаря языка фольклора, убеждены в перспективности различных лексикографических средств для всестороннего изучения лексического яруса произведений устного народного творчества [4]. Словарная деятельность способствовала разработке системы методик лексикографического характера для сравнительного анализа.

Начиная с описания единичных концептов, вербализованных формами национального языка, и устойчивых связей разных концептов, мы перешли к анализу концептосфер и кластеров. Обратимся к исследовательскому опыту.

Наш сравнительный анализ русской и иноэтнической фольклорной лексики берет свое начало в 1995 г., когда появилась публикация о концепте «золото» [13]. Сравнение одинакового объема песенных текстов из русского [19] и английского [25] сборников показало, что интересующий нас концепт отмечен примерно одинаковым числом словоупотреблений. Отличие обнаруживается на уровне вербализации.

В английских текстах это преимущественно существительное (*gold*), в русских — прилагательное (*золотой*). Сравнение воплощенных в лексемах смыслов выявило большее расхождение. В английских народно-песенных текстах золото предстает в своей материальной сущности. Золото добывают, им владеют, его любят, ценят, отнимают. Часто золото выступает как денежное средство (гинеи и фунты золотом) и как собственность принадлежит тому или иному персонажу. Определения к существительному *gold* — *bright* ‘блестящее’, *glittering* ‘сверкающее’, *shining yellow* ‘сияющее желтым светом’. Из золота изготавливают вещи и прежде всего цепи. Золотыми могут быть часы, кольца, шпоры, замки.

В русских же текстах существительное *золото* встречается весьма редко (8 словоупотреблений против 52), при этом доминирует сема ‘украшение’ — золотом шьют, увивают, осыпают. Всего две реалии сделаны из золота: шапочка и венки. Золото в русской лирике — знак особой выделенности и красоты, а потому преобладает прилагательное.

тельное *золотой* (42 против 8), чаще всего в переносном значении, особенно если речь идет о явлениях флоры и фауны (*навушка золотые перышки, олень золотые рога, верба золотые ветки, конский хвост золотая труба, груша-яблонь золотая кора*). На основании проведенного сопоставительного анализа был сделан вывод, что в русском *золоте* на первый план выступает сема 'красота', а в английском *gold* — сема 'ценность'.

Обязательным элементом народно-песенного ландшафта является река, однако этнические образы этого объекта существенно разнятся. В текстах из собрания С. Шарпа река характеризуется по качеству воды: чистота, прозрачность, кристальность (*clear, crystal*). Антоним *watery* 'бесцветный' тоже относится к числу визуальных оценок. Река предстает как обычный водоем, и никакой символики за ней не просматривается. Река — просто место действия.

В русских песенных текстах [12] река упоминается гораздо чаще и в подавляющем большинстве случаев определяется постоянным эпитетом *быстрая*. Другие — менее частотные — прилагательные относятся к числу параметрических — *(не)широкая, (не)глубокая, могучая*. Скорость течения и размеры — вот что прежде всего видит в реке русский глаз. В отличие от английской, русская река часто выступает как субъект действия: бежит, течет, протекает, плывет, шумит—гремит, разливается и т. д. Лирическая песня свое внимание обращает на движение воды в реке, которое в условиях почти повсеместной равнины определяется как быстрое. Заметно, что скорость в этом случае воспринимается не как свойство, присущее конкретной реке, а как итог размышлений над временем. Складывается впечатление, что река для лирических персонажей — знак упорядоченности, постоянства движения. Лирическая героиня стремится к реке, чтобы привести в порядок свое душевное состояние [14].

Река в русском фольклорном мире — символ времени, своеобразный «узелок» исторической памяти, и потому, в отличие от безымянных в английских песнях рек, русские фольклорные реки в лирике, не говоря уже об эпике, носят имена — *Дунай, Волга, Нева, Ердан, Казанка*. Есть имена, ставшие сугубо фольклорными, — *Небрага, Перебрага, Невага*.

В русской фольклорной картине мира заметно противопоставление двух топосов — сада и леса — по принципу «свое / чужое». Имена топосов сопровождаются соответственно эпитетами *зеленый* и *темный*: *Из-за лесу, лесу темнаго, Из-за садику зеленаго, Выплывала туча грозная* [5, т. 3, № 50]. Если же в отдельных случаях лес определяется как зеленый, этот эпитет сопрягается с определением *темный*: *Подай, миленький, свой голосок Через темненький, зелененький лесок!* [5, т. 3, № 236].

Лес в русском фольклоре входит в парадигму «дальняя граница обжитого русского мира», основу которой составляют эпитетосочетания *чистое поле* и *синее море*. В русских народно-песенных текстах упоминание сада как лирического топоса чаще, чем упоминание леса. Логичен вопрос: восприятие сада как локуса «своего», а леса как границы «чужого» творцами и носителями русской народной лирики — это специфическая черта исключительно русской фольклорной картины мира или подобное встречается и в иноэтнических традициях? Как оказалось, в английских народно-песенных текстах упоминание о саде эпизодично, а само существительное *garden* почти гапакс. А вот весьма частотное существительное *wood* 'лес' по употребительности, смысловой наполненности и функционированию почти то же, что и русское слово *сад*. Противопоставления «свой / чужой» концептов «сад» и «лес» в английской лирике не наблюдается. Частотное эпитетосочетание *green wood* 'зеленый лес' (отличать от *greenwood* 'лиственный лес') в английской лирике нередко дополняется определением *merry*

‘веселый’: *That a maid won't go to the merry green wood* [25, № 7A]. Заметим, что доминантой английского лирического топоса *wood* в проанализированных песенных текстах является *willow* ‘ива’. Соответствующим центром русского лирического топоса чаще всего является зеленая сосна: *Да в садику ж, в саду Стояла сосенушка, Сосенка зеленая, Тонкая, высокая Да листом широкая* [19, № 294]. Растущая в саду фантастическая сосна с «широким листом» — эквивалент другого «дерева-гибрида» — груши-яблони: *Повешу мужа я на яблоньку, На яблоньку на садовую, На грушицу на зеленую* [5, т. 3, № 145].

Мы обратили внимание на то, как вербализованы концепты «цветок», «куст» и «дерево». Выяснилось, что эти концепты в двух фольклорных картинах мира [19; 25] существенно различаются своей вербализацией — частотностью, дистрибуцией, набором культурных смыслов. Так, цветы в русских песенных текстах характеризуются прежде всего со стороны цветового восприятия — алые, лазоревые, голубые и т. п. Специальные оценочные эпитеты отсутствуют. Наблюдения подтверждают мнение знатоков русской культурной традиции, что цвет для русских не просто цветовая волна, но и сущностная оценка — «умозрение в красках» (Е. Н. Трубецкой). В английском же фольклорном мировидении замечается аромат цветов и отдается предпочтение эпитетам общей положительной оценки: *fine* ‘хороший, прекрасный’, *finest* ‘превосходный’, *fairest* ‘прекраснейший’, *pretty* ‘прелестный’.

Куст в русском фольклоре почти всегда имеет видовой определитель (*калиновый, малиновый, кленовый, лавровый, смородиновый*), а в английской народной лирике куст — *зеленый, колючий, цветущий*, ассоциируется с шиповником. Недаром самый частотный английский фитоним — *briar / brier* ‘шиповник’.

Интересно отметить, что русский фольклорный фитоним *дерево* встречается примерно в десять раз реже, чем его английский эквивалент *tree* (7 и 78 словоупотреблений соответственно), при этом по своей художественной функции английское дерево ближе к русскому кусту — излюбленному русскому лирическому топосу.

Сравнение отдельных концептов в их иноэтнической вербализации, разумеется, исследовательскую результативность обнаруживает, однако более продуктивным оказалось сравнение целых кластеров концептуальной картины мира. Под кластером нами понимается «совокупность слов различной частеречной принадлежности, семантически и / или функционально связанных между собой, которые служат для репрезентации того или иного фрагмента фольклорной картины мира» [4, с. 216].

Первым в этом отношении стал кластер «Птицы». Сравнив фрагменты составленных нами словников народной лирики русских и англичан [19; 25], мы заметили, как разнится взгляд двух народов в их традиционной культуре на одно и то же явление природы. Русский и английский песенный фольклор художественно видит мир птиц по-разному. Русская народная лирика ограничивает себя двадцатью семью орнитонимами, английская — девятнадцатью, из них совпадают пятнадцать. В английских песнях чаще всего встречаются слова *bird* ‘птица’ и *nightingale* ‘соловей’, у русских — *голубь, сокол, соловей, утка, лебедь*. Такие английские орнитонимы, как *blackbird* ‘черный дрозд’, *cock* ‘петух’, *dove* ‘голубь’, *thrush* ‘дрозд’, или русские *галка, сова, селезень, курица, перепелка* отличаются средней частотностью. Удивительно, что английский глаз не видит сокола, а русский — дрозда. Напрашивается вывод, что наличие / отсутствие и количество словоупотреблений орнитонимов предопределено различием поэтического взгляда на мир. Для русских мир птиц — это прежде всего мир символов, для англичан — основание для сравнения. Голубь и голубка в русской лирике — символическая ипостась лирического персонажа, в английской же песне — элемент сравнения

(если бы у меня были крылья, как у голубя; такой верный, как голубь). Утка (утушка) в русской песне — символ одинокой женщины, а в английской — эталон умения плавать (молодые женщины, юноши, девушки хотят плавать, как утки). Соловей в русском фольклоре — вестник печали, а потому качество его пения не оценивается, в английской же лирике видится благозвучное мелодичное пение и желание персонажа стать такой птицей.

Птицы в русской народной лирике воспринимаются как одна из ипостасей человека, они отчетливо антропоморфны. Лирический жанр предопределяет наличие мужской и женской версии почти каждой птицы. Биологические свойства птиц отражаются и оцениваются в той мере, в какой они хотя бы эмоционально близки человеку. Преобладание в орнитониме эмоционального, оценочного над номинативным приводит к тотальной синонимизации, взаимозаменяемости. Так, девушка-невеста может быть и лебедушкой, и галкой, и перепелкой, и утушкой.

В английской же лирике мир птиц с миром человека не сливается. В итоге ограниченность символического значения в английских орнитонимах приводит к повышенной частотности обобщающего слова *bird* 'птица', характеризующегося различными дифференцирующими определениями [23].

Не менее интересным для сравнения оказался кластер «Пища». Сопоставительное исследование [4; 11] позволило выявить как общефольклорные наименования (*есть / eat, пить / drink, вино / wine, пиво / beer*), так и специфические для каждой фольклорной традиции: русской — *блин, калач, кисель, пряник, сыта* 'сыченая медом вода, медовой взвар, разварной мед на воде' [8, с. 377], *щи*; английской — *biscuit* 'печенье', *brandy* 'бренди', *broth* 'бульон', *cake* 'торт, пирожное', *pudding* 'пудинг'. Как оказалось, в русском фольклоре много слов с семантикой угощения (*кормить, накормить, поить, напоить, потчевать, попотчевать, угостить*), что соответствует сложившимся представлениям о гостеприимстве русских людей, в то время как в английской народной лирике подобных слов практически не встретилось.

Любопытные результаты дал кросскультурный анализ соматизмов, составляющих кластер «Лицо человека» [9]. Первые попытки увидеть этническое своеобразие топологически идентичных объектов опирались на сравнение русской [5; 12] и английской [25] народно-песенных традиций, но затем во внимание был принят и немецкий материал [24].

Выяснилось, что удельный вес русской лексики *лицо* (61 словоупотребление) в народно-песенном фольклоре в три раза выше, чем немецких лексем *Gesicht* (19) и *Angesicht* (4), и в два раза выше, чем английского существительного *face* (30).

В английских песенных текстах все случаи словоупотреблений *face* связаны с внешней оценкой физических достоинств лица: *blooming* 'цветущее', *ugly* 'безобразное', *pretty* 'хорошенькое, прекрасное'. В немецких песенных текстах лицо определяется как *lieb* 'милое', *schon* 'прекрасное', *rauh* 'грубое'. Русская фольклорная песня никогда не дает лицу специальных характеристик эстетического характера — красивое оно или безобразное. Русское лицо всегда белое. «Белое» — интегральная идеализирующая характеристика по умолчанию всегда красивого и всегда достойного человека. Изменение белого цвета лица русского лирического персонажа — показатель сильных, контрастных эмоциональных переживаний — «жара» или «остуды». В немецких и английских песнях сильные чувства и яркие эмоции описываются иными способами.

В русских лирических песнях лицо предстает как экран эмоционального переживания с характерными симптомами любовного чувства: *Видно печаль и по ясным*

очам, Видно кручинушку и по белому лицу [5, т. 3, № 10]. Психологам эта метафора близка: «Оно (лицо. — М. Б., А. Х.) подобно информационному экрану, на котором с высокой точностью и динамизмом разыгрываются перипетии внутренней жизни человека. Именно с него в процессе непосредственного общения считываются сложнейшие “тексты” состояний, мыслей, интересов и намерений коммуникантов» [2, с. 355].

Отражаемая на лице лирической героини эмоциональная жизнь предстает в динамике цветовых характеристик: *С радости — лице белится, Белится лице, румянится; С печали — лице чернится, Чернится лице, марается* [5, т. 3, № 8].

Сложилось впечатление, что этнические культуры различаются своеобразными «точками красоты» лица. Для немцев это волосы на голове, для англичан — щеки и губы, а для русских — брови и глаза. Если русские считают брови важной чертой портрета, то в немецких и английских текстах соответствующие лексемы не фиксируются. Связка *брови — очи* выступает в разных речевых конфигурациях: *Он не может наглядеться, ... На мои ли брови черны, На мои ли соболины, На мои ли очи ясны, На мои ли соколины...* [5, т. 4, № 241]; *Бровью закиваю, Очи заморгаю, На милаго глядя...* [5, т. 5, № 422]; *Брови — черны соболины, Очи — ясны соколины...* [5, т. 3, № 251]. Заметим, что эта формула красоты рамками фольклора не ограничивается. Вспомним классика художественной литературы: «Особенную красоту придавали ее глазам ее брови, густые, немного надвинутые, настоящие соболиные» (И. С. Тургенев. Вешние воды).

Сравнение отдельных слов, концептов и кластеров привело курских лингвофольклористов к идее создания контрастивного словаря, который может стать важным инструментом анализа народно-песенной речи. В приложении к диссертации А. М. Бобунова «Контрастивный словарь языка русского и английского песенного фольклора как база кросскультурного исследования» [3] приводятся два фрагмента такого словаря: кластер «Небо» и кластер «Одежда». Показано, что особая структура словарной статьи наглядно отражает как общее, так и специфическое для каждой фольклорной традиции, обусловленное климатическими особенностями разных этносов и их этнокультурными предпочтениями.

Основной структурной единицей словаря является двухместная лексикографическая ячейка, куда помещаются соотносительные по концепту словарные статьи, имеющие параметрический характер. Такая лексикографическая форма как нельзя лучше подходит для установления фактов лакуарности (есть в одной культуре, но нет в другой) и фактов асимметрии разного рода. Так, несоответствие лексического и морфологического состава языковых единиц, представляющих тот или иной концепт, позволяет говорить о репертуарной асимметрии, различие в частотности употребления соотносительных лексем — о квантитативной асимметрии, различие в сочетаемости — о синтагматической асимметрии. Также наблюдается функциональная и культурная асимметрия [3, с. 50–55; 22, с. 54–56].

Например, сравнение разных зон словарных статей **Rosa** и **Dew** ‘**роса**’ показало, что, наряду с отдельными общими мотивами, выявляется много несоответствий. Это проявляется и в значительном количественном преобладании данного наименования в английской лирике (62 словоупотребления против 4), и в синтагматических связях. Типичные для Англии осадки обычно характеризуются эпитетами *foggy* ‘туманный’ (29 словоупотреблений) и *morning* ‘утренний’ (13), в то время как в русской традиции не отмечено ни одного определения. И в русском, и в английском фольклоре существительное *rosa / dew* включается в сравнительные конструкции, но основания для сравнения могут быть разные. Ср.: *Как сестра плачет — как роса-то на траве* и *Fade away*

like the morning dew ‘исчезать, как утренняя роса’, *Her hair hung over her shoulders just like two threads of dew* ‘ее волосы свисали с плеч, как две нити росы’ [3, с. 212–213].

Напротив, существительное снег встречается в русской народной лирике значительно чаще слова *snow* ‘снег’ (34 против 7) и обычно характеризуется с помощью цветowych эпитетов *белый* (17) и *беленький* (4), при этом белизна снега нередко становится основанием для сравнения: *Для чего, про что красна девица Уродилась хороша: Лице — белый снег, Во щечках — алый цвет* [16, т. 3, № 249]. В английском фольклоре, где, как правило, отсутствуют определения снега, было зафиксировано лишь одно сложное прилагательное *snowy(-)white*, которое используется для характеристики груди (*breast*) [3, с. 213–214].

Таким образом, наш опыт кросскультурного анализа свидетельствует, что сравнение народно-песенных лексиконов, принадлежащих различным этническим традициям, — исследовательская процедура достаточно трудоемкая, требующая тщательности и объективности комментирования, но и весьма результативная. Итоги кросскультурного анализа — не только новая, интересная и перспективная информация по фундаментальным вопросам этнической ментальности, концептуальной и языковой картинам мира, своеобразию национальных культур, но и обогащение исследовательского инструментария современного гуманитарного познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Артеменко Е. Б.* Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988. 173 с.
- 2 *Барабанищikov В. Я., Носуленко В. И.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. 480 с.
- 3 *Бобунов А. М.* Контрастивный словарь языка русского и английского песенного фольклора как база кросскультурного исследования: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. 262 с.
- 4 *Бобунова М. А.* Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы: дис. ... д-ра филол. наук. Курск, 2004. 446 с.
- 5 Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб.: Гос. тип., 1897. Т. 3. XVI, 512 с. СПб.: Гос. тип., 1898. Т. 4. XXVI, 722 с. СПб.: Гос. тип., 1899. Т. 5. XVI, 644 с.
- 6 *Вестфаль Р.* О русской народной песне // Русский вестник. 1879. № 9. С. 126–146.
- 7 *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
- 8 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 2000. Т. 4. 683 с.
- 9 *Завалишина К. Г., Хроленко А. Т.* Кросскультурная лингвофольклористика: народно-песенный портрет в трех этнических профилях. Курск: Изд-во КГУ, 2005. 62 с.
- 10 *Климаc И. С.* Жанровое своеобразие русской устно-поэтической речи (на материале лексико-тематической группы «растительный мир»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1989. 21 с.
- 11 *Климаc И. С.* Кластерный анализ в аспекте проблем лексикологии // Фольклорная лексикография. 2001. № 18. С. 18–23.
- 12 *Песни, собранные П. В. Киреевским:* Новая серия. М.: Общество любителей российской словесности при Московском университете, 1917. Ч. 1. IV, 125 с.

- М.: Общество любителей российской словесности при Московском университете, 1929. Ч. 2. XII, 389 с.
- 13 *Петренко О. А., Хроленко А. Т.* Gold / золото // Фольклорная лексикография. Курск: Изд-во КГПУ, 1995. Вып. 4. С. 12–13.
- 14 *Петренко О. А., Хроленко А. Т.* Сравнительный словарь языка фольклора // Atrium. Серия Филология. 2000. № 6. С. 65–70.
- 15 *Праведников С. П.* Основы фольклорной диалектологии. Курск: Изд-во КГУ, 2010. 231 с.
- 16 *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.
- 17 *Тарланов З. К.* Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1999. 448 с.
- 18 *Топоров В. Н.* Пространство культуры и встречи в нем // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск четвертый. М.: Наука, 1989. С. 6–17.
- 19 *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии: Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии. СПб.: Тип. АН, 1904. 379 с.
- 20 *Хроленко А. Т.* Что такое лингвофольклористика // Русская речь. 1974. № 1. С. 36–41.
- 21 *Хроленко А. Т.* Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 140 с.
- 22 *Хроленко А. Т., Бобунова М. А., Бобунов А. М.* Кросскультурная лингвофольклористика: становление, методология. Курск: Изд-во КГУ, 2008. 108 с.
- 23 *Хроленко А. Т., Петренко О. А.* Этническое своеобразие семантики народнопоэтической речи (на примере русских и английских орнитонимов) // Духовное обустройство России. Курск: ГУИПП «Курск»: Курский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1996. С. 145–162.
- 24 *Deutsche Lieder. Texte und Melodien ausgewählt und eingeleitet von Ernst Klusen.* Frankfurt am Main: Insel-Verl., 1995. 878 p.
- 25 *Sharp's Collection of English Folk Songs.* London: Oxford University Press, 1974. Vol. I. 751 p.

© 2021. **Mariya A. Bobunova**
Kursk, Russia

© 2021. **Alexander T. Khrolenko**
Kursk, Russia

RUSSIAN POPULAR POETIC SPEECH IN THE ASPECT OF CROSSCULTURAL LINGUAFOLKLORE STUDIES

Abstract: The paper sums up the experience of lasting work of the Kursk linguafolklore scientists that have been studying the Russian popular poetic speech. It traces the history of coming into being and developing of the special academic branch aimed at studying the folklore work phenomenon — that is lingua folklore. The main attention

is paid to the methodology of comparable and crosscultural linguafolklore. Comparable linguafolklore implies comparing social dialectal and popular poetic speeches, the language of various folklore genres as well as territorial differences in folk poetic speech within the same ethnic tradition. Cross-cultural linguafolklore studies is a tool used for discovering cultural preferences of the ethnic group and specific peculiarities of the mentality through comparing traditional cultures. The object for confronting folklore texts belonging to different ethnic groups are the concepts verbalized with the help of the national language forms. The subject meanings are accumulated in these forms. The paper includes the analysis of singular concepts, such as “gold,” “river,” the stable ties of the concepts, such as “garden — forest,” “flower — bush — tree” and “birds,” “food” and “The human face.” The authors are sure in the relevance of use of the crosscultural research as a tool, especially for a contrasting dictionary. They come to the conclusion that even though comparing folk songs lexicons that belong to various ethnic traditions is labor intensive, demanding exactness and objective comments, is actually very productive.

Keywords: linguafolklore, comparative and crosscultural linguafolklore studies, concept, contrasting dictionary.

Information about the authors: Mariya A. Bobunova — DSc in Philology, Professor, Kursk State University, Radishcheva St., 33, 305000 Kursk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5809-1548>. E-mail: bobunova61@mail.ru

Alexander T. Khrolenko — DSc in Philology, Professor, Kursk State University, Radishcheva St., 33, 305000 Kursk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-3550>. E-mail: alexanderhrolenko@yandex.ru

Received: January 01, 2020

Date of publication: September 28, 2021

For citation: Bobunova M. A., Khrolenko A. T. Russian popular poetic speech in the aspect of crosscultural linguafolklore studies. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 226–237. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-226-237>

REFERENCES

- 1 Artemenko E. B. *Printsipy narodno-pesennogo tekstoobrazovaniia* [Principles of Folksongs Texts production]. Voronezh, Izdatel'stvo VGU Publ., 1988. 173 p. (In Russian)
- 2 Barabanshchikov V. Ia., Nosulenko V. I. *Sistemnost'. Vospriiatie. Obshchenie* [System. Perception. Communication]. Moscow, Izdatel'stvo IP RAN Publ., 2004. 480 p. (In Russian)
- 3 Bobunov A. M. *Kontrastivnyi slovar' iazyka russkogo i angliiskogo pesennogo fol'klora kak baza krosskul'turnogo issledovaniia* [Contrastive Dictionary of Russian and English Songs Folklore as the basis of Crosscultural Research: PhD thesis]. Kursk, 2012. 262 p. (In Russian)
- 4 Bobunova M. A. *Fol'klornaia leksikografiia: stanovlenie, teoreticheskie osnovaniia, prakticheskie rezul'taty i perspektivy* [Folklore Lexicography: Coming into Being, Theoretical Background, Practical Results and Perspective: PhD thesis]. Kursk, 2004. 446 p. (In Russian)
- 5 *Velikorusskie narodnye pesni: v 7 t.* [Great Russian folk songs, in 7 vols.], published by Professor A. I. Sobolevskim. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1897. Vol. 3. XVI, 512 p. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1898.

- Vol. 4. XXVI, 722 p. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1899. Vol. 5. XVI, 644 p. (In Russian)
- 6 Vestfal' R. O russkoi narodnoi pesne [About Russian Folk Songs]. *Russkii vestnik*, 1879, no 9, pp. 126–146. (In Russian)
- 7 Gasparov M. L. *Zapisi i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 416 p. (In Russian)
- 8 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the living great Russian Language]. Moscow, Rusckii iazyk Publ., 2000. Vol. 4. 683 p. (In Russian)
- 9 Zavalishina K. G., Khrolenko A. T. *Krosskul'turnaia lingvofol'kloristika: narodno-pesennyi portret v trekh etnicheskikh profiliakh* [Crosscultural linguafolklore studies: the folk song portrait in three ethnic profiles]. Kursk, Izdatel'stvo KGU Publ., 2005. 62 p. (In Russian)
- 10 Klimas I. S. *Zhanrovoe svoeobrazie russkoi ustno-poeticheskoi rechi (na materiale leksiko-tematicheskoi gruppy "rastitel'nyi mir")* [Genre originality of the Russian oral-poetic speech (based on the material of the lexical-thematic group "plants"): PhD thesis, summary]. Voronezh, 1989. 21 p. (In Russian)
- 11 Klimas I. S. Klasternyi analiz v aspekte problem leksikologii [Cluster analysis in the aspect of lexicology problems]. *Fol'klornaia leksikografiia*, 2001, no 18, pp. 18–23. (In Russian)
- 12 *Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim: Novaia seriia* [Songs compiled by P. V. Kireevsky: new Series]. Moscow, Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete Publ., 1917. Part 1. IV, 125 p. Moscow, Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete Publ., 1929. Part 2. XII, 389 p. (In Russian)
- 13 Petrenko O. A., Khrolenko A. T. Gold/zoloto [Gold/золото]. In: *Fol'klornaia leksikografiia* [Folklore lexicography]. Kursk, Izdatel'stvo KGPU Publ., 1995, vol. 4, pp. 12–13. (In Russian)
- 14 Petrenko O. A., Khrolenko A. T. Sravnitel'nyi slovar' iazyka fol'klora [Comparative dictionary of the folklore language]. *Atrium*, Seria: Filologiya [Series: Philology], 2000, no 6, pp. 65–70. (In Russian)
- 15 Pravednikov S. P. *Osnovy fol'klornoj dialektologii* [Basics of folklore dialectology]. Kursk, Izdatel'stvo KGU Publ., 2010. 231 p. (In Russian)
- 16 Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaia kul'tura; In memoriam* [Folklore and Foilk Culture; In memoriam]. St. Peterburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003. 464 p. (In Russian)
- 17 Tarlanov Z. K. *Russkie poslovitsy: Sintaksis i poetika* [Russian Proverbs: Syntax and poetics]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PGU Publ., 1999. 448 p. (In Russian)
- 18 Toporov V. N. Prostranstvo kul'tury i vstrechi v nem [Space of culture and meeting in it]. In: *Vostok — Zapad. Issledovaniia. Perevody. Publikatsii* [East — West. Research. Translated. Publications]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 4, pp. 6–17. (In Russian)
- 19 Khalanskii M. G. *Narodnye govory Kurskoi gubernii: Zametki i materialy po dialektologii i narodnoi poezii Kurskoi gubernii* [Folk dialects of the Kursk province: Notes and materials on dialectology and folk poetry of the Kursk province]. St. Petersburg, Tipografiia AN Publ., 1904. 379 p. (In Russian)
- 20 Khrolenko A. T. Chto takoe lingvofol'kloristika [What is linguafolklore studies]. *Russkaia rech'*, 1974, no 1, pp. 36–41. (In Russian)
- 21 Khrolenko A. T. *Semantika fol'klornogo slova* [Semantics of the folklore word]. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 1992. 140 p. (In Russian)

- 22 Khrolenko A. T., Bobunova M. A., Bobunov A. M. *Krosskul'turnaia lingvofol'kloristika: stanovlenie, metodologija* [The crosscultural linguafolklore studies: formation, methodology]. Kursk, Izdatel'stvo KGU Publ., 2008. 108 p. (In Russian)
- 23 Khrolenko A. T., Petrenko O. A. Etnicheskoe svoeobrazie semantiki narodnopoeticheskoi rechi (na primere russkikh i angliiskikh ornitonimov) [Ethnic originality of the semantics of folk-poetic speech (by the example of Russian and English ornithonyms)]. In: *Dukhovnoe obustroistvo Rossii* [Spiritual arrangement of Russia]. Kursk, GUIPP "Kursk": Kurskii oblastnoi institut povysheniia kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniia Publ., 1996, pp. 145–162. (In Russian)
- 24 *Deutsche Lieder. Texte und Melodien ausgewählt und eingeleitet von Ernst Klusen* [German songs. Lyrics and melodies selected and introduced by Ernst Klusen]. Frankfurt am Main, Insel-Verl. Publ., 1995. 878 p. (In German)
- 25 *Sharp's Collection of English Folk Songs*. London, Oxford University Press Publ., 1974. Vol. I. 751 p. (In English)